

И тут я, измученная, наконец, облегчённо вздохнула. Сидя у себя в мастерской и, листая на днях купленного Борисова-Мусатова (в мастерской была хорошая библиотека по искусству, и художнику разрешала дирекция покупать новые книги), я переживала всё происшедшее. Заказ на заставки ещё не принесли. И в этот день мне хоть в одном повезло. Оказывается, моё отсутствие никто не заметил. Все были озабочены, где разместить гостей, которые неожиданно приезжали на ночь глядя. И я спокойно доработала в этот день. Когда ко мне пришли на другое утро с заказом, я была на рабочем месте и сделала много удачных заставок, за которые получила благодарность.

А гости, оказывается, были оперной группой со своим «Севильским цирюльником». Я это запомнила, потому что ко мне несколько раз заглядывал в мастерскую исполняющий роль Фигаро, ища свою «Разиню» (Розину), как он выражался.

А потом я специально приезжала на площадь Октябрьскую и оттуда между домов кратким путём (который мне подсказали) приходила в телестудию, не натываясь на этот противный стенд и не проходя через эту площадку, на которой, видимо, обычно гулял этот рыжий боксёр со своим хозяином.

А вот это уже другая история и тоже непридуманная, но произошла она раньше описанной в предыдущем рассказе. Это было где-то в 1956-57 году. Иногда я думаю о том, что во мне «погиб изобретатель». Всё время в детстве я что-то придумывала в играх и всяких проказах. Мы собирались на соседнем крылечке, очень удобном, выходящем на улицу, укрывались одеялом, где-то человек пять-семь. Так было интересней и потому, что было страшно. Обычно это было вечером, мы тесно прижимались друг к другу, потому что я рассказывала страшные сказки, которые придумывала «на ходу». Я их потом и за-